

18+

Р. П. ЧЕРНОВ

Состав преступления. Жречество уголовной репрессии

ЛЮДОЛОГИЯ

Р.П. Чернов

**Состав преступления. Жречество
уголовной репрессии. Людология**

«Издательские решения»

Чернов Р.

Состав преступления. Жречество уголовной репрессии. Людология
/ Р. Чернов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Автор в стиле печатного импрессионизма, местами сюрреализма, анализирует учение о составе преступления как воспроизведение конструкта четырёх причин бытия, разработанного Аристотелем. При этом показывает, что практическое соединение с уголовным процессом преобразует состав преступления в «эйдос» Платона. Отсутствие же законного публичного регулирования превращает всё это в жреческое тайное знание, а правосудие — в ритуал *quasi* расправы в силу невозможности его понимания простым наблюдателем.

© Чернов Р.

© Издательские решения

Содержание

§1	6
Глава первая. Нурercriticismus	9
§2	9
§3	12
§4	15
§5	16
§6	17
§7	21
§8	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Состав преступления. Жречество уголовной репрессии Людология

Р.П. Чернов

*Смелости Гнея Флавия
с благодарностью посвящается*

Иллюстрация на обложке Джордж Уильям Джой

© Р.П. Чернов, 2026

ISBN 978-5-0071-0415-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

§1

Настоящая работа — попытка *ut ego sentio*¹ выявления причин *естественного обвинительного уклона* отечественного правосудия в связи с наличием «Состава преступления» как *идеи* — *принципа* организации методологии познания, законодательных норм, судебной и иной правоприменительной практики, толкования закона. Постараемся показать, что деятельность правоохранительной системы в части обеспечения уголовной репрессии находится в ловушке детерминации *предмета* познания (преступление) *методом* познания (состав преступления); это приводит к возможности квалификации практически любого деяния как преступного, как осознанно в ходе обеспечения государственного политического управления, так и невольно в силу номинальной самостоятельности элементов правоохранительной системы (следователь, суд и др.), которые используя состав преступления как метод опознания реальности, просто не могут с его помощью не видеть преступное посягательство, а точнее — могут его, при желании, везде увидеть.

Актуальность продиктована тем, что уголовная репрессия наша исторически помимо охранительной функции выполняет *управленческую функцию* в том числе по сохранению целостности государства, обеспечению бытия Верховной власти, развитию страны («Шарашки», ИТЛ, заселение обширных территорий, текущее состояние). При этом если в народном сознании обживается химера представления о государстве как о «государстве для народа», фактическая деятельность правоохранителей неизбежно вступает в противоречие с ожиданиями общества — причём не только в сфере политического управления, но и в самых обычных бытовых «народных» делах.

Не рассматриваем как причину обвинительного, карательного уклона историческое наследие — режим монгольского владычества как внешний *Ratio status*, сформировавший в жерле насилия нашу власть, и тому подобное; нас интересует исключительно то, *как написано в действующем законе*, тем более что в соответствии с самим требованием закона он является достаточным источником и формой познания предмета, конституированного им.

Для материального права закон — абсолютный источник достоверного знания — ст. 1 ч. 1 Уголовного Кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 29.06.2026), далее -УК РФ; для процессуального права — приоритетный — ст. 1 ч. 2, ч.3, ст. 7 ч. 2 Уголовно — процессуального Кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 10.06.2026), далее — УПК РФ.

Присяга любого сотрудника содержит обязательство исполнения требований закон.

Quasi synopsis

1. Основное — в советской науке было воспроизведено учение Аристотеля о *четырёх причинах бытия* в конструкторе состава преступления. Получилась ситуация, когда наш право-

¹ *Ut ego sentio* (лат.) — как я чувствую. Это оговорка, которая означает, что все изложенное является *личным субъективным мнением* автора, не претендует на утверждение каких-либо фактов, объективности, не призывает к каким-либо действиям, не содержит намерения оскорбления чьих-либо чувств, личностей и т. п. Автор написал исключительно о своем личном, не претендующем на объективность, ощущении тех вопросов (восприятие которых, вполне возможно, — мнимое, галлюцинаторное), личные субъективные размышления о которых и составили содержание настоящей работы. *Прошу читателя учесть, что в данной работе каждое предложение, утверждение, утвердительное предложение в риторической вопросительной форме, так, ладно, и иные любые слова, предложения, надо читать с приставкой — «по моему мнению» (Ut ego sentio, как я чувствую)*; ничто в настоящей работе не является утверждением какого — либо факта, *как он есть на самом деле*. Прошу простить лень автора в заполнении указанной формулировки в каждом предложении настоящей работы. Более того, сие «на самом деле» автору совершенно неведомо. Также, если вы считаете, что все в порядке с проблематикой предмета исследования, прошу простить автору *дерзновение* иметь личное, иное мнение, совершенно субъективное; тем более простить его письменное изложение. Ей Богу, автор не специально, честно, — пытался держаться, честно. Автор просит таким образом, с настоящей оговоркой, воспринимать текст данной работы; если что, считать, ну, письменным изложением бреда и т.д., и т. п. (нужное по необходимости подчеркнуть).

применитель, при желании, может узреть состав преступления во всяком деянии, так как кон-
структ состава является фактическим воспроизведением 4-х универсальных причин любого
бытия вообще (естественный перенос антропоцентризма в наблюдаемое внешнее).

2. Состав преступления назван в тексте процессуального закона как самостоятельное
обособленное основание для прекращения дела, оправдания, но при этом отсутствует *его зако-
нодательное определение*, имеется лишь упоминание в норме материального права — «*при-
знаки состава преступления*» (ст. 8 УК РФ).

3. Если основанием для принятия решения о прекращении уголовного дела или об оправ-
дании является словосочетание «состав преступления», содержание которого не раскрывается
через общедоступный и верифицированный источник — закон, — это уничтожает само назна-
чение правового регулирования, а вместе с ним — и все принципы уголовного права и про-
цесса: публичность, гласность, законность как возможность проверить способ принятия реше-
ния и прочее, известное со времён Гнея Флавия, внесенное им в основу юриспруденции.

4. Усматривается ситуация, при которой деятельность стороны обвинения чётко регла-
ментирована: уголовное дело возбуждается не при наличии признаков состава преступления
или самого состава преступления в деянии, а лишь при наличии признаков преступления (ч. 2
ст. 140 УПК РФ). Заметим, без какого-либо упоминания деяния. Понятие преступления зако-
нодательно раскрывается через его признаки: общественную опасность, противоправность,
виновность и наказуемость. Сторона защиты такой определённости лишена: состав преступле-
ния воплощается исключительно как умозрительная конструкция в восприятии правоприме-
нителя, что допускает возможность изначального политического влияния.

5. Законодатель вносит запутанность в одном случае указывая на то, что единственным
основанием для уголовной ответственности является совершение деяния содержащего *все при-
знаки состава преступления* (ст. 8 УК РФ), одновременно с этим при декриминализации мало-
значительных действий в ст. 14 ч. 2 УК РФ указывает, что не является преступлением действие
(бездействие), хотя формально и содержащее *признаки какого-либо деяния*, предусмотренного
Уголовным законом.

Сформулировано так, что с учетом того, что деяние это и есть действие или бездействие,
создается впечатление *терминологической малозначительности* отличия термина «состав пре-
ступления», от «деяния предусмотренного» Особенной частью УК РФ.

6. Осуществление уголовной репрессии в режиме состязательности (в агональном, игро-
вом режиме), когда цель (выигрыш) стороны обвинения чётко прописана законодательно, а
цель стороны защиты — нет, также является технической причиной отсутствия воплощения
альтернативы обвинению. В глобальном плане это возвращает нас во времена, когда правосу-
дие было сакральным *тайным знанием* и находилось в руках жрецов, а не публичных профес-
сиональных участников процесса (революция Гнея Флавия в IV в. до н. э.); в бытовом — это
напёрстничество. Наблюдатель лишен возможности сопричастности, как мотиву принимаемых
решений, так и пониманию наблюдаемого.

7. Сделаны практические предложения (при условии внедрения на уровне *Res publica
populi*) в области устранения недостатков в законодательном регулировании «Состава преступ-
ления». Необходимость вызвана тем, что иногда стороннему наблюдателю удастся «схватить
за руку» — например, ст. 348 ч. 4 УПК РФ велит оправдывать подсудимого, если председа-

тельствующий признает, что деяние подсудимого не содержит *признаков преступления* (ср. с основанием отсутствия состава преступления — ст. 302 ч.2 п.3, ст. 24 ч.1 п.2 УПК РФ).

Прочие предложения: введение единого статуса участников гласного уголовного судопроизводства (председательствующий, судья — член состава суда, государственный обвинитель и защитник); рассмотрение вопроса о передаче прокуратуры в подчинение Парламенту, что позволит реанимировать эффективное парламентское расследование силами прокурорского надзора; возвращение меры пресечения «содержание под стражей» в ведение прокуроров, которые, будучи связанными с институтом народного представительства, смогут обеспечить сбалансированный гуманизм в данном вопросе; создание для адвокатуры системы допуска к работе в уголовном судопроизводстве исключительно через сдачу специального экзамена в единой Государственной комиссии, устанавливающей единые требования для государственного обвинителя-прокурора, защитника-адвоката и председательствующего-судьи при присвоении соответствующего процессуального статуса; изменение режима организации работы — создание Фонда «страхования» рисков уголовной ответственности граждан.

8. Изложено наблюдение удивительного слияния в «составе преступления» «эйдоса» Платона, продуцирующего реальность, и материального учения Аристотеля о четырёх причинах бытия. Рассмотрено, как состав преступления стал *материальным эйдосом*: вследствие того, что общее знание о бытии воспринимается как специальное (особое знание о преступлении), возникает ситуация, при которой с помощью конструкции состава преступления правоприменитель может признавать одну и ту же реальность в равной степени как преступной, так и не преступной — по собственному усмотрению.

9. В приложении приведён пример из практики стороны защиты, свидетельствующий о том, что если инструмент познания (термин «состав преступления») дефектен, то он одинаково порождает искажения в обоих направлениях.

Глава первая. Hypercriticismus

§2

Начнем наше критиканство с простого -терминологии. Она для дела уголовной репрессии чрезвычайно важна. Текущий современный режим осуществления репрессии направлен на документирование *мыслительной деятельности лица*, которому государством поручено уголовное судопроизводство (от оперативного сотрудника до судьи -ст. 5 п.56 УПК РФ — досудебное и судебное производство по уголовному делу). Государство, с момента возбуждения уголовного дела (к органам дознания это относится частично) вводит гласный, публичный, регулируемый законом порядок (процессуальная форма) взаимодействия самое себя с действительностью.

Сама мысль о возможности возбуждения дела (бытие в возможности, V, аристотелевская ἡ δύναμις — dynamis, потенция) уже регулируется тщательнейшим образом ст. 144 УПК РФ до всякого «уголовного дела» ст. 5 п. 56 УПК РФ, с которым связывается производство. Собственно, устоявшееся словосочетание «доследственная проверка», упоминаемое в ведомственных подзаконных актах — это тоже *конструкция вне закона*, открывающая врата главному участнику Уголовного процесса — органу дознания. И в этом — отсутствии правовой определенности терминов — законодатель последователен. Танец начинается с конструкции, находящейся вне текста закона, — **доследственной проверки** (которая органом дознания может проводиться и вне рамок УПК РФ как форма проверки оперативно-значимой информации в рамках собственных производств, охваченных государственной тайной), и заканчивается для стороны защиты такой же конструкцией, не имеющей законодательного определения — отсутствием состава преступления. Надо сказать, конечно, спасибо, что «состав преступления» хотя бы вписали в текст закона. Но сейчас не об этом, просто штрих к портрету.

Очевидно, что помимо обеспечения независимости от участников производства, путем обеспечения их заменяемости благодаря режиму документирования их мыслительной деятельности, внешних действий, государство также преследует цель контроля уровня насилия, его дозированность. Бюрократизация уголовной репрессии предстает очевидным благом после возбуждения уголовного дела (повторимся, в рамках негласных мероприятий оперативно-розыскной деятельности, предшествующих возбуждению уголовного дела, ситуация несколько иная).

Если сущностно описать цель деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения — это **достаточное** документирование обстоятельств, свидетельствующих о совершении лицом преступления. Истина по делу исключена из предмета доказывания, принцип состязательности усилен. Доказательное представление («остаточное V») органов предварительного расследования находит свое итоговое оформление в обвинительном заключении (акте), которое утверждается прокурором (первая актуализация в наблюдении), передается на независимую оценку Государства в целом (судебное разбирательство, постановление приговора от имени государства).

Механизм структурирования обвинительного представления о действительности проработан: основание возбуждения дела — **достаточные** данные, указывающие на признаки преступления (ст. 140 ч. 2 УПК РФ); основание предъявление обвинения — наличия **достаточных** доказательств (ст. 171 ч. 1 УПК РФ); передача в суд — актуализация в наблюдении стороны защиты (ст. 217 УПК РФ) актов познания (следственных и иных процессуальных действий), направленных на получение достоверных сведений (доказательств), которые в совокупности **достаточны** (ст. 215 ч. 1 УПК РФ) для итогового суждения (приговор суда).

Этот **принцип достаточности** также не поименованный в законе, но обнаруживающий себя в том числе и в области регулирования мыслительной деятельности ст. 88 ч.1 УПК РФ (правила оценки доказательств), — невольная «улика поведения» vs голой формулировки реабилитирующего основания (отсутствие состава преступления).

Все это на основе состязательности: человек vs государство.

Это ж как надо *верить в суд*, чтобы вот оперативному сотруднику было достаточно данных для рапорта, следователю — достаточно для возбуждения уголовного дела и передачи его в суд, начальнику следствия — достаточно, прокурору — достаточно (если нет, то возвращает дело — ст. 221 ч. 1 п. 2 УПК РФ), а вот судье вдруг — недостаточно! Вот почему-то судью связать принципом достаточности законодатель не удосужился.

Видимо, предполагается, что он и так должен понимать, что речь идет о ст. 8 УК РФ, где говорится о **признаках состава преступления**. Но если это так, и мы говорим о *конкретном составе* Особенной части УК РФ, то к чему упоминание «**голового состава**» (ст. 302 ч. 2 п. 3 УПК РФ). Создается же впечатление, если не быть юристом, не зная об *Учении о составе преступления*, что речь идет о *двух составах*. Один — *конкретный*, который и доказывается в суде, у него есть *признаки* (ст. 8 УК РФ), он есть преступление, так как именно к нему подтвержденная совокупностью доказательств виновность является основанием обвинительного приговора; это тождество преступлению. И есть еще *какой-то состав*, который признаками — по всей видимости отсутствия их упоминания в законе — не обладает. Некоторая теоретическая, не прописанная конструкция, которая просто указана в законе.

Конкретный состав, в отношении которого и проводится в жизнь завуалированный *принцип достаточности* vs общий состав (идея).

В итоге следующая группа адекватных терминов обслуживает *сторону обвинения*: «признаки преступления» (ст. 21 ч. 2, ст. 140 ч.2 УПК РФ), «преступление» (ст. 302 ч.4 УПК РФ), «признаки состава преступления» (ст. 8 УК РФ). *Сторона защиты* обслуживается следующими терминами «состав преступления» (ст. 24 ч.1 п.2, ст. 302. ч.2 п.3 УПК РФ), затем неожиданно «признаки преступления» в суде присяжных (348 ч. 4 УПК РФ) — то есть там фактически иное основание оправдательного приговора, чем в суде без участия присяжных, хотя решение судья в единой форме приговора принимает единолично против вердикта присяжных. Вот видится судья, который открывает ст 348 ч. 4 УПК РФ и *против обвинительного вердикта присяжных*, невзирая на «состав преступления», предписанный в обычном единоличном производстве, сразу руководствуется отсутствием основания для возбуждения уголовного дела («признаки преступления» — ст. 140 ч.2 УПК РФ идентичный термин ст. 348 ч. 4 УПК РФ) и оправдывает подсудимого, перечеркивая *всю* работу по документированию.

Исходя из текста закона, очевидно же, что сторона обвинения доказывает наличие в действиях признаков преступления? Это доказывание отношения условного А (лицо) к В (событие)? Это условие обвинительного приговора — ст. 302 ч. 4 УПК РФ.

Зачем эта терминологическая путаница в законе? Нет, в теории уголовного права, процесса, можно хоть «круглый квадрат» изобрести, зачем теоретическую модель вписывать в закон как условие оправдательного приговора, противопоставлять ее *достаточным данным* предварительного расследования, надзору прокурора? Нигде по тексту Уголовного процессуального закона доказывание состава преступления, его признаков *не упомянуто как задача обвинения*. **Задачи обвинения везде предельно конкретны**. Термины, которыми оперирует обвинение законодательно урегулированы — признаки преступления (ст. 14 УК РФ).

Более того, повторимся, исходя из самого текста закона, складывается полное впечатление, что состав преступления — это конкретное деяние, предусмотренное, описанное статье Особенной части Уголовного Кодекса, признаки которого и доказываются обвинением (ст. 8 УК РФ). Если бы не ст. 24, 302 УПК РФ, оперирующая термином «состав преступления», то можно было бы сказать, что формулировка ст. 8 УК РФ «совершение деяния, содержащего

все признаки состава преступления» просто *скользкость речи* законодателя, что уберет слово «состав» и все становится непротиворечиво.

Однако это не так. Наш законодатель наряду с основаниями обвинительного приговора упорно выстраивает отдельное основание, обособленное основание, — отсутствие состава преступления. Опять же повторимся: нет проблемы в теории науки использовать эту конструкцию, зачем ее в закон вписывать?

Может еще показаться, при прочтении закона, что состав преступления — это про виновность, но и это не так. Сама виновность уже вшита в тело определения преступления ст. 14 УК РФ — преступление уже *только виновно* совершенное, так как *деяние*.

Казалось бы очевидное из закона: состав преступления — это преступление с лицом. Это такая конструкция в сборе: преступление плюс лицо, потому — то в ст. 24, 302 УПК РФ указано что именно *в деянии* отсутствует состав преступления. Но, во — первых, это натяжка непрофессионального толкования, во — вторых, *мы знаем* что это не так.

Вот в этом «мы знаем» вся суть. За этим методология науки, научная школа; даже в среде юристов с высшим образованием безошибочно угадываются те, *кто в курсе*, что речь не о терминологической путанице, неправда ли?

Именно это *специальное знание* обеспечивало в свое время центральную власть прокуратуры СССР, когда и нарсуд был объектом прокурорского надзора. Именно это знание отделяло (да и сейчас местами) сотрудника органа дознания (оперативника) от того же следователя, несмотря на единую принадлежность к МВД, КГБ. *Особое знание о составе преступления*.

Но прошло 35 лет, и прокуратура уже не та, и юристов, как дворников, а местами и больше, и бумажные задачи государственности поменялись, а Учение о составе осталось.

В итоге, сегодня благодаря тому, что в законе у нас состав преступления никак не расписан, но указан как основание оправдания при его отсутствии, можно сказать, что наряду с отсутствием события преступления, непричастностью к совершению преступлению у нас есть еще общее «основание- идея» оправдательного приговора (смотрите практический пример Приложения №1).

Платонизм в действии — вот наша уголовная репрессия, руководимая Составом преступления.

§3

Здесь есть один существенный момент. Государству необходимо для себя решить заинтересовано ли оно *именно в достоверности познания в рамках уголовной репрессии*. Важно ли, чтобы осужден был *именно виновен*? Второй вопрос — соразмерно справедливое осуждение.

Гносеологическая проблема здесь состоит в том, что иного способа *достоверно узнать* совершал ли именно подсудимый преступление, помимо уголовного судопроизводства, человечеством не изобретено. Существует мнение, что эта цель истинного достоверного знания избыточна; она искусственно навязана модой Европейского просвещения, последовавшими буржуазными революциями, когда правосудие, осмелев от успехов государственности, присваивает себе гносеологическую функцию Бога, что и находит свое отражение в концепции ныне упраздненной «истины по делу». Связано это присвоение было с упразднением религии, церкви как Ratio status государственности, концепцией самодостаточных сил человека в области познания (рационализм).

Нельзя не заметить, что центральным органом формирования достоверного познания при таких обстоятельствах становится *только суд*. Общая конструкция процесса предполагается в состязательности таковой: обвинение строит свою версию, доказывает ее в суде, защита противодействует, возможно строя свою версию, суд решает, не становясь ни на чью сторону (ст. 6 ч. 2, ст. 15 ч. 3 УПК РФ).

Соответственно организационный вывод по конструкции: совершенно лишним является перегружать участника со стороны обвинения на *стадии проверки сообщения* о преступлении, общего досудебного производства решением вопроса о (не) виновности. Это не его дело — это функция суда...

Давайте попытаемся проще посмотреть. Государству, чтобы вынести суждение «Х» с одной стороны, необходимо предварительное расследование, государственное обвинение, защитник, секретарь, апелляция, а, с другой стороны, для вынесения того же самого суждения «Х» — ничего это не нужно. В одно и то же время.

Это суждение «Х» одинаково сформулировано, как для оправдания в суде, — ст. 302 ч. 2 п. 3 УПК РФ: «в деянии подсудимого отсутствует *состав преступления*»; так и для *отказа в возбуждении* уголовного дела Участковым уполномоченным полиции (орган дознания), — ст. 24 ч. 1 п. 2 УПК РФ: «отсутствие в деянии *состава преступления*». Это одно и то же основание, как для решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении в рамках гласной т.н. «доследственной проверки» (ст. 144 УПК РФ), так и для итогового вывода суда. Заметим — отказать в возбуждении дела за отсутствием *признаков состава преступления* нельзя.

Можно было бы сказать, что это принцип гуманизма, слегка гносеологически измененный народный принцип «не пойман- не вор»: то есть «не увидели состава — значит его там и нет». В одном случае нам для того, чтобы решить, что, вот это — круг, а не квадрат, в *достаточном обвинительном суждении* требуется вот вся процедура уголовной репрессии (с судом), а для *оправдательного суждения*, не вызывающего негативных последствий, — ничего и не требуется. Похоже на правду, не правда ли?

Но сказать так мы не можем, так как возбуждается уголовное дело при *наличии признаков преступления* (ст. 140 ч. 2 УПК РФ), ни о каком составе преступления речь не идет, даже нет речи о *признаках состава преступления* (ст. 8 УК РФ).

И можно было бы сказать, что это «тень на плетень», если бы не чудотворчество ст. 448 ч.1 п. 2, п. 2.1 УПК РФ продуцирующей сразу две терминологических новеллы — нового участника уголовного преследования и новый терминологический конструкт «**наличие в действиях признаков преступления**». Может показаться, что это уже упомянутое нами основание к оправданию, предусмотренное ст. 348 ч. 4 УПК РФ, но нет — там речь об *отсутствии*

признаков преступления в деянии, которое есть и бездействие в том числе. В свое время для лиц особого правового статуса эту конструкцию отменили именно в силу ее неудобства практического применения, но для Генпрокурора и Председателя Следственного комитета оставили. Надо ли говорить, что употребление этой терминологической конструкции рушит наши надежды на то, что состав преступления — это сумма преступления и лица в нем изобличенного? Законодатель на стадии досудебного производства наделяет субъектов способностью видеть: «достаточные данные указывающие на признаки преступления» без лица (ст. 140 ч. 2 УПК РФ), аналогично «признаки преступления» (ст. 21 ч. 2 УПК РФ), «признаки преступления в действиях» уже лица (ст. 5 п.11.1, ст. 448 ч.1 п.2, п.2.1 УПК РФ), одновременно конституируя способность *в деянии* устанавливать «отсутствие состава преступления» (ст. 24 ч. 1 п. 2 УПК РФ). При этом суд выполняет ту же функцию, что и участковый уполномоченный полиции, при оправдании по основанию ст. 302 ч.2 п.3 УПК РФ. И при все при этом коллизия терминов ст. 348 ч. 4 и ст. 448 ч.1 п.2, п.2.1. УПК РФ позволяет сделать вывод, что помимо отсутствия состава преступления в деянии (ст. 302 УПК РФ), отсутствия признаков преступления в деянии (ст. 348 УПК РФ) есть еще бездействие, которое, может быть, и содержит признаки преступления, но основанием к уголовному преследованию служить не может, так как суд может дать заключение только о наличии признаков преступления только в действии; то есть заведомо ненаказуемо. Прибавим путаницу с «признаками состава» ст. 8 УК РФ. Это так зачем?

Описки, опечатки, оговорки? Практические работники знают, что нет. Это прекрасный механизм возбуждения и расследования дел в отношении неустановленных лиц, благодаря которому можно добывать доказательства в отношении любого лица, поименовав его «неустановленным». Можно превращать в рамках этого производства, охваченного тайной следствия, в доказательства материалы оперативно — розыскной деятельности, охваченные гостайной; затем выделять их, обеспечивая тем самым законность получения их адресатом; нет никаких сроков содержания под стражей — расследование всегда приостановить можно (по розыску); никакого права на защиту — предполагаемого фигуранта свидетелем всегда допросить можно и т. д. Этакий элемент Ratio status уголовной репрессии.

Дела выделяют, соединяют разъединяют, расследуют в отношении неустановленных лиц, выносят постановления о прекращении уголовного преследования без прекращения уголовного дела, особенно хорошо с выделенными материалами уголовного дела получается, особенно в части вещедоков. Особое удовольствие и система, и непосредственные потребители, получали, когда в отношении всех лиц особого правового статуса (судьи, прокуроры, следователи, депутаты, адвокаты и прочее) суды давали заключение о наличии или отсутствии в их действиях *признаков преступления* для целей возбуждения уголовного дела (так сказать судебный контроль основания при наличии повода). Сколько было отмен вышележащими инстанциями в виду того, что заключение формулировалось о наличии «*признаков состава преступления*» вместо «*признаков преступления*»! В общем, веселились как могли, потом отменили эту процедуру — народ присматриваться стал к терминологии, это незачем.

Особые ощущения испытывали, скажем, депутаты, которые будучи совсем не погруженными в материал, очень живо реагировали на происходящее. Скажем так, для субъекта, который не в курсе наших игр, Система представляется, мягко говоря, хаотичной, а потому — произвольной, по ощущениям *внешнего наблюдения*, уже на такой простой стадии, как возбуждение уголовного дела.

Это ощущение усиливается, когда любопытствующий начинает узнавать, что тот самый «Состав преступления» это не просто статья Особенной части УК РФ, как он мог бы наивно подумать, прочтя статью ст. 8 УК РФ, а *доктринальная методологическая конструкция*.

Вы знаете, многие не верят. Спрашивают- это как у Юстиниана в Pandectae? Приходится говорить, что нет, там *доктрина была инкорпорирована в текст закона*, так сказать, проверена

и одобрена Государством; просто так на научный текст (хотя написано одно и то же) ссылаться было нельзя, обязательно надо было упомянуть статью *Corpus Juris Civilis*. Недоумение общест­венности, мягко говоря, усиливается, когда встречается вот такая формулировка: *преступ­ность деяния*, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются *только* Уголовным кодексом России (ст. 3 ч.1 УК РФ), вкуче с — *уголовное законодательство* состоит из Уголовного Кодекса, а новые законы, предусматривающие уголовную ответст­венность, подлежат включению в него (ст. 1 ч.1 УК РФ). И вот бедное лицо несколько возмущено и даже пояснение, что это проклятый либерайнейший новодел (*Nullum crimen, nulla poena sine lege*) не успокаивает его.

И логика *потребителя правосудия* понятна. Ему все равно, что государство играет честно, что оно предварительно написало, издало Уголовный закон, где прямо указало, *что есть преступление*, что за совершение его последует (даже не ввело запрета на указанные дея­ния, просто информировало о размере счета, который придется оплатить) ... *потребителя не устраивает то, что значимое основное знание, на которое он может рассчитывать в своей защите, является тайным*.

Простой вопрос — «зачем понадобилось скрывать»; как это вообще может быть, что то, что определяет пойдет ли человек в тюрьму, «на эшафот», является только научным знанием и даже нигде не прописанным законодательно? Весь же смысл конструкции публичного Уго­ловного закона, этого открытого предупреждения народу, меняется.

§4

Ничего плохого в использовании *признаков преступления*, вместо *состава преступления* на стадии возбуждения дела, казалось бы и нет. С точки зрения механизма состязательности тоже: нет лица — нет проблем. Вопли адвокатов о нарушении права на защиту на самом деле обоснованы лишь в том случае, если, например, уголовное дело возбуждается в отношении неустановленного лица, принадлежащего к категории лиц с особым правовым статусом, то есть с нарушением установленного законом порядка возбуждения уголовного дела. При этом особый правовой статус очевиден уже из самих обстоятельств преступного посягательства, признаки которого послужили основанием для возбуждения дела. Например, возбуждение рядовым следователем в отношении неустановленного лица дела о вынесении заведомо неправосудного приговора (ст. 305 УК РФ), дело о хищении денежных средств руководством адвокатской палаты и т. п.

И потом в конце концов: пока уголовно — правовые претензии не предъявлены конкретному лицу, о какой защите можно говорить?

Интересно здесь другое: у стороны обвинения целая книжка конкретики — Особенная часть Уголовного Кодекса, с расписанными там основаниями для возбуждения уголовного дела, каждая статья содержит признаки деяния, состава преступления, у а привлекаемого к уголовной ответственности, что? На что ему опереться?

Так, если это просто терминологическая путаница, может, просто устранить? Может быть, и путаницы нет?

Посмотрим с другой стороны — в чем дело, собственно? Зачем в инструкцию смартфона включать сложные уравнения квантовой механики, благодаря которым он работает? К чему знать как устроен двигатель внутреннего сгорания пассажиру автобуса? *Почему, собственно, юридические знания, которые приобретаются далеко не на первом курсе юрфака должны быть доступны широкой общественности, а тем более составлять текст закона?* Учение о составе преступления было прекрасно разработано советской наукой на основе открытого научного диспута, это учение, которое оживляет закон и факт, соединяет преступление и лицо, круг обстоятельств благодаря которому преступление вообще стало возможным, есть сопутствующие науки — криминология, криминалистика, не говоря уже о знаниях естественно - научного характера, обеспечивающих бытие судебной экспертизы. Тот факт, что нигде, кроме Советского союза, указанная методологическая конструкция не применялась, сам по себе ничего не означает. Нет разницы, как считать в 60-й или 10-й системе счисления — кому как удобнее, главное — результат. Борьба с преступностью ведется? Суды и прочие работают?

Любые спекуляции на тему намеренного сокрытия информации о составе преступления — просто абсурдны и маргинальны. Это действительно научный конструкт, который изучается в рамках получения высшего юридического образования. Вон, даже в точных науках: химии до сих пор рисуют электрон как частицу вокруг атома (таблица Менделеева), в то время, как квантовая физика уже давно доказала, что электрон находится в суперпозиции, никакая он не частица, и никто истерик не устраивает, бумагомарательством не занимается.

Есть требования закона, они обеспечиваются, они служат протоколом познания, никакого, тайного особого знания из учения о составе преступления делать не надо.

Мир так устроен: одним — судить, другим — скулить...

§5

Есть и еще некоторые *терминологические тонкости*, которые ускользают от поверхностного взгляда. Например, что уголовное судопроизводство — это вовсе не судебное производство; что органы дознания — полноценные участники проверки доказательств, которые они же и собирают по определенным категориям дел; что преступление не подлежит доказыванию; что признаки преступления — основание для возбуждения дела и в отсутствии признаков состава преступления.

Наконец именно отсутствие состава преступления — основание прекращения уголовного преследования. Опять, казалось бы вот оно: состав преступления — это преступление с найденным обвиненным лицом. Правоохранители нашли, предъявили обвинение, а вот не получилось, что — то пошло не так: умысел подкачал, алиби обнаружилось. Состав преступления — это преступление и лицо, подлежащее ответственности, которое достигло возраста ответственности, вменяемо, адекватным образом проявило сознательно — волевое отношение к событию (преступлению). *Ecce corpus delicti!* Дело уголовное производством остается — только лицо меняется и все, вот это про состав — это по линии лица в уголовном деле. Действительно, для уголовного дела достаточно *признаков преступления*, состав — это в отношении лица.

Однако Законодатель иного мнения. Выстроена двухконтурность: *непричастность самостоятельно* (ст. 27 ч.1 УПК РФ) и отдельно *отсутствие состава преступления* в деянии (ст. 27 ч. 2 УПК РФ). При этом имеющаяся бланкетность к ст. 24 ч. 1 п. 2 УПК РФ (а она именно про уголовное дело) против нашей версии (состав преступления — *преступление с лицом*) уравнивает основания и прекращения дела, и отказа в возбуждении дела, и прекращение уголовного преследования лица (все одно — отсутствие состава преступления в деянии).

И опять же, в Практике оно, конечно, и так и есть: уголовное дело без лица в составе преступления не нуждается; но уголовное судопроизводство, при его инициации по публичному интересу рапортом, вообще ни в чем не нуждается. Режим гостайны ОРД переходит в режим следственной тайны, это «вещь в себе» для тех, кто допуска не имеет.

Полагаться на Практику — тоже занятие так себе, но даже она свидетельствует, что речь не об институте виновности, можно полностью признать вину, содействовать следствию и получить оправдательный приговор за отсутствием состава преступления (см. приложение №1).

Виновность и признание вины — это разные вещи. Виновность не устанавливается индивидуально, обвиняемым, подсудимым, она — итоговый вывод суда, в лице которого говорит государство в целом, а значит и народ (ст. 29 ч.1.п.1, ст. 296 УПК РФ).

Наша надежда, что состав преступления — *это про лицо*, увы, не оправдывается, не сводится это даже к институту виновности из текста закона. Не сможем мы, анализируя и опираясь только на текст публичного закона, сепарировать многообразие смыслов «состава преступления» (определения — то в законе нет).

§6

С другой стороны, терминология — *сквозная проблема* Уголовного процессуального закона. У нас вообще перманентна ситуация «Закон vs Практика», казалось бы в простых вещах — приглядимся, например, к термину «**орган дознания**».

В соответствии с ст. 5 п.56 УПК РФ уголовное судопроизводство- это досудебное и судебное производство *по уголовному делу*. Если мы мыслим логически в духе Гегеля, где все разумное -действительно, все действительное разумно, то очевидно, что орган дознания, осуществляющий Оперативно- розыскную деятельность отделен от стадии когда, собранный им материал, оформленный рапортом, является поводом для возбуждения уголовного дела (сообщение о преступлении в форме рапорта ст.5. п.43, ст.143 УПКРФ); но сама техника изложения законодателем поводов к уголовному делу (та самая «улика поведения» — ст. 140 ч.1. п.3, ст. 143 УПК РФ) заставляет присмотреться.

Раздел II, гл. 6, ст. 40, 40.2 УПК РФ называет среди прочих участников со стороны обвинения орган дознания и начальника органа дознания (не путать с дознавателем и дознанием соответственно как формой предварительного расследования). Это субъекты ОРД, большая часть деятельности которых составляет предмет гостайны. Однако им приданы процессуальные полномочия -ст. 157 УПК РФ, вплоть до возбуждения уголовного дела вместо следователя, что фактически означает, что *орган дознания* самостоятельно может провести ОРМ, сам их рассмотреть, оценить доказательства, возбудить дело, при этом уведомлять прокурора он не должен (ст. 146 ч. 4 УПК РФ указания на орган дознания не содержит), а по истечении 10 суток от возбуждения уголовное дело направляется начальнику соответствующего следственного органа (ст. 157 ч. 3 УПК РФ). Помимо прочего из состава участников в ст. 144 ч. 1 УПК РФ прокурора исключили, а орган дознания не тронули.

Возникают вопросы к органу дознания в ситуации применения ст. 157 УПК РФ. Орган дознания не упомянут ни в одной из статей, посвященных доказательствам (ст. 74 УПК РФ), сбору доказательств (ст. 86 УПК РФ), проверке доказательств (ст. 87 УПК РФ), оценке доказательств (ст. 88 УПК РФ).

Далее, закон очевидно не поручает органам дознания уголовное преследование, в ст. 21 ч. 1 УПК РФ на орган дознания как на субъект уголовного преследования не указывает, вместе с тем обязывает принять «меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления», ст. 21.ч 2 УПК РФ.

Создается впечатление, что автор, который писал, пользуется похожестью терминов «дознаватель» и «орган дознания», «судопроизводство» и «уголовное судопроизводство», запутывая неисключенного читателя, который опять же если «не в курсе наших игр» просто не заметит подмены.

Иначе, чем объяснить камуфлирующее смешение терминов *органа дознания* и *дознания* в ст. 149 ч. 3 УПК РФ — создается полное впечатление, что орган дознания дело возбудил, направил следователю по подследственности, а там, где предварительное расследование в форме следствия необязательно самостоятельно приступил к дознанию. Этакое милое описание деятельности сельского участкового. У нас *создают впечатление*, что речь идет именно о деятельности полиции не более того. Вопрос — к чему этот камуфляж? Вспоминается Сунь Цзы- если ты силен притворись слабым, если слаб притворись сильным. Формально дознаватель, отвечающий за вторую форму предварительного расследования (ст. 150 ч. 1 УПК РФ), числится за органом дознания (ст. 41 ч.1 УПК РФ), более того его полномочия, исходя из текста закона, присваиваются чуть ли не ad hoc «путем дачи письменного поручения» начальника органа дознания.

Все бы хорошо — всем известны отделы дознания родной полиции и создается полное впечатление опять же о том, что речь именно о малозначительной деятельности дознавателя, но маленькая правовая оговорка в ст. 40 ч.1 п.1 УПК РФ все меняет. После долгого перечисления органов внутренних дел, к органам дознания также относит «иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности». Кто же это?

Ст. 13 Федерального закона «Об оперативно -розыскной деятельности» сообщает об органах: внутренних дел, федеральной службы безопасности, исполнительной власти в области государственной охраны, таможни, службы внешней разведки, службы исполнения наказаний. И опять же обратим внимание на изящество формулировок законодателя в небольшой детали — дополнении: «Оперативное подразделение **органа внешней разведки Министерства обороны** Российской Федерации проводит *оперативно-розыскные мероприятия* только в целях (...)». Согласимся, что для вот опять же неискушенного читателя складывается же впечатление, что речь идет о Службе внешней разведки? Тем более, что в перечне органов одноименное словосочетание в названии, неправда ли? Надо сопоставить три фактора, чтобы понять что речь идет *еще об одном органе*, который может осуществлять ОРД: Служба внешней разведки (СВР) не подчинена Министерству обороны, СВР числится за Президентом России, в самой ст. 13 указано, что орган внешней разведки Министерства обороны проводит ОРМ «в целях обеспечения безопасности указанного органа внешней разведки и в случае, если проведение этих мероприятий не затрагивает полномочий органов (...)» далее перечень органов, среди которых СВР. Самостоятельного номерного пункта в статье загадочный орган (не будем показывать пальцем) так же не имеет; он камуфлирован, как бы как примечание и только.

И, как обычно, наша любимая «улика поведения»: ст. 13 написано “ (...) если проведение этих мероприятий не затрагивает полномочий органов указанных в пунктах 1, 2, 4, 6 — 8 *части первой настоящей статьи.*» У ст. 13 ФЗ «Об оперативно -розыскной деятельности» нет никаких частей, там только пункты. Имитация спешки и недоработанности, которая позволила безболезненно ввести безымянный орган ОРД Министерства обороны, который может проводить весь комплекс мероприятий (ОРМ), пользоваться процессуальными полномочиями УПК РФ при необходимости (ст. 146, 157 УПК РФ и др.).

Какие это мероприятия? Статья 6 Федерального закона «Об оперативно -розыскной деятельности» любезно сообщает: наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации.

Не то, чтобы это вызывало недоумение, возражение или негодование, просто акцентируем внимание на том, что *техника законотворчества приобретает все больше криптографический характер*. Есть мнение, что терминологическая запутанность в такого рода вопросах не случайна; это полезно понимать для целей нашего исследования.

Попривыкнув к тому к тому, что у нас в статусе *органа дознания*, знакомом народу по милому полицейскому дознавателю, скрывается Министерство обороны, ФСБ, ФСО, ФСИН, ФТС, СВР и прочие, продолжим осмотр верхушки айсберга Уголовного процесса, вернемся к тексту Уголовно -процессуального закона.

Органу дознания не только приданы полномочия о возбуждении уголовного дела.

При своеобразном универсальном регулировании коллизии *lex specialis* про орган дознания не забыли — ст. 7 ч. 1 УПК РФ. При таком правовом регулировании, особенно с учетом ст. 87 УПК (где нет органа дознания), ст. 40.2 ч.1.п.3 (процессуальный контроль начальника

органа дознания над дознавателем) деятельность органа дознания, его начальника, представляется весьма вольной в нашей строжайшей процессуальной форме. При этом статус участника уголовного судопроизводства здесь размыт совершенно.

Нельзя не упомянуть и о ст. 144 ч. 1 УПК РФ, где законодатель все же отделяет орган дознания от дознавателя, то есть можно сделать вывод о двух контурах воплощения полномочий органа дознания: *непосредственно орган* дознания и по письменному поручению начальника органа дознания — *непосредственно дознаватель*. Очень удобная терминология, явно направленная на режим транспарентности для потребителя, правда? Один и тот же орган власти имеет *двойной процессуальный статус*.

Как — то притягивает, да? Полномочия расследовать уголовное дело **с лицом до 10 суток, любое, без уведомления прокурора**. Что — то это, ведь, напоминает? Тот факт, что, что сейчас этот режим массово пока не применяется, или применяется только «по большой любви» — это, ведь, дело хозяйское. Но эти полномочия такие в области уголовной репрессии по любому составу преступления у органов дознания есть.

И опять же непроизвольные оговорки. В ст. 157 ч.2 п.1. и п.2 УПК РФ происходит демаскировка камуфляжа, с таким филигранным трудом выстроенного ранее (результат смены поколения представителей правоохранительной системы в законодательном органе — топорная работа). Скрытый ранее субъект назван прямо — госбезопасность. Иные участники по прежнему «скрыты»: ст. 157 ч. 2 п. 6 УПК РФ отсылает к ст. 40 УПК РФ, а та к оперативно - розыскной деятельности...

И еще одно, безусловно, заслуживающее внимание, чтобы понимать *чудесный терминологический талант* законодателя.

Ближе к человеку. Статус подозрения в отношении лица, созвучный процессуальному статусу подозреваемого, но не совпадающий с ним. *Быть подозреваемым и являться подозреваемым — разные вещи*. Великий могучий Русский язык.

В первом случае — это описание мыслительной деятельности участника уголовного процесса со стороны обвинения в отношении фигуранта (быть в подозрении, подозреваемый кем - то, в чем -то), включая орган дознания, во втором случае — процессуальный статус участника процесса, достаточно неплохо регламентированный законом (ст. 46 УПК РФ). В первом случае — это действительное и страдательное *причастие*, во втором случае это *существительное* (субстантивация причастия) — ст. 46 ч. 4 УПК РФ, например, «Подозреваемый вправе: (...)». Надо ли говорить, что неискушенный читатель УПК РФ этого не улавливает?

Надо ли говорить, что орган дознания благодаря участию в проверке сообщения о преступлении (ст. 144 ч.1 УПК РФ) имеет беспрепятственную возможность превращать причастие в существительное; что эта операция является непосредственной управляемой объективацией мыслительной деятельности?

Что это означает? В этом отрезке деятельности органа государственной власти выстроена система управляемого воплощения бытия в возможности в бытие в действительности. Мыслимое о субъекте (V — подозрение) становится воплощенным в человеке (D — подозреваемый) — актуализация потенции в действительность Аристотеля. При этом процесс этот максимально скрыт от материального субстрата своего воплощения — самого человека. Он может быть абсолютно недоступен восприятию: орган дознания ведет свое засекреченное производство, затем оформляет рапорт, возбуждает либо сам (редко используется), либо направляет в следствие, дело возбуждается и расследуется в отношении неустановленного лица, гостайна ОРД перетекает в следственную тайну. Или частично демаскирован, когда лицо, в отношении которого планируется уголовная репрессия, вызывают и допрашивают. Но здесь тоже редко как сразу подозреваемого (сначала свидетелем). И даже во втором режиме взаимодействия *терминология уголовного процесса* не позволяет в этой стадии ухватить момент объективации потенции (V, мысли, подозрение) в действительность (статус подозреваемого). Сделано тоже

не случайно. Это совершенное воплощение структурности энтелехии: пока есть становление — нет ставшего, когда есть ставшее — нет становления. Этот момент — исключительная компетенция участника со стороны обвинения.

И опять же повторимся — *нигде законодательно не прописана его цель доказать **наличие состава преступления** в деянии лица*. Мягко говоря — чудовищно, вам не кажется?

Состав преступления — это для оправдания только прописано и отказа, прекращения уголовного дела, уголовного преследования. Что — то это тоже напоминает, неправда ли?

Ergo: Уголовный процессуальный закон терминологически не безупречен. Это не случайно или это какая -то *очень живучая случайность*, которая прошла депутатов Федерального собрания, Президента и прочие фильтры. Надо ли говорить, что использование подобного инструментария рождает особенные ощущения удовольствия успешно практикующего правоохранителя.

Как говорится, Гегель был неправ. В нашем уголовном процессе, обеспечивающем, среди прочего, единство территориальной целостности Отечества, *при желании игрока* всё действительное — никогда не разумно, а всё разумное — никогда не действительно. И всё благодаря удивительному методологическому конструкту — предмету нашего исследования, воплотившему в себе не только учение Аристотеля, но и, как мы увидим, примилившему его с Платоном.

На том и стоим, чувствуется, что стоять и будем, по крайней мере, в контуре Ratio status государственности нашей.

§7

Ну кто из нас не ощущал эту прелесть власти на кончиках пальцев? Именно в руках правоприменителя слово обретает ту силу, которая есть дело. Это же магия для стороннего наблюдателя. Ничего вроде бы не происходит, но вот простая формулировка в объяснении, добавление пары слов и уже никакой подписки о невыезде, только стража, со всеми вытекающими. *Особость знания порождает особую власть* (Knowledge is Power -Ф. Бэкон). Знание (V ранее успешно воплощенное) — первейшее условие любой власти вообще.

Миллионы лет назад одна обезьяна подчинялась другой не потому, что та была сильнее, а потому, что знала какая палка сгодится для копья, как ее заточить, как ее упереть в землю, как ее метать. Ровно тоже самое Блез Паскаль сформулирует для Просвещения: бесспорно можно подчиняться только Разуму. *V правоохранительной системы* очаровывает, эта метареальность, ее воплощение, затягивает. И еще эта ощущаемая почти вкусом, почти сладкая особость обеспечения убеждением, принуждением, насилием. *Cor hominis est violentia communicativa!*

Со временем «как оно было на самом деле» перестает кого — либо волновать — это для романов, шансона, фольклора, лично — бытовых откровений. Умысел и душевная психическая организация — разные вещи. Со временем особое знание становится трафаретным — закон интересуется деянием в той степени, в какой оно соответствует диспозиции уголовно-правовой нормы, нашему *лекалу познания* преступления. И за мнением (внутреннее убеждение — ст. 17 ч.1 УПК РФ), государственным мнением, стоит организованное насилие, методичное и неумолимое; обеспечивающее воплощение этого мнения с армейской неотвратимостью.

Только мать насилия — **Война**, её тётка — **Революция** или отец благостного семейства — **Голод** — могут что-то изменить. И то *ad hoc*.

Откуда эта наследственная *уверенность знания*? Пусть мы законодательно и устранили истину по делу из предмета доказывания, но все же нельзя не признать, что истина остается как *сила суждения*. Откуда такой запрос на истинность, при том, что способность *судить достоверно относительно прошлого, участником которого ты не был (принцип непредвзятости)* — это трансцендентно для обычного суждения?

Компенсацией этой запредельности изначально было божественное знание, его, по сути, копирует наш «состав преступления» и прочие термины особого значения. Опасный путь. Тонкий лет юридической условности ломается, именно когда приходит понимание, что *мы не познаем* существующее «само по себе», человека как он есть в сплетении вихря обстоятельств, отраженных, как в его деянии, так и в продукте психического отношения к содеянному. Положа руку на сердце, видно же, что мы *приписываем значение* (V) предмету «познания».

Познавать «как оно было на самом деле» правосудие не умело никогда. Божественная гносеология архаичных процессов основывается на том, что вне такого способа познания, выраженного в сообщении сакральной сущностью искомых ответов на вопросы правосудия, вообще *достоверного знания* нет. Субъектность того времени — это «именная культура» идентифицирующая индивидуума по его социально-значимой деятельности, нет никакого антропоцентризма, нет «человека вообще», представлений о собственном неповторимом, уникальном, ценном «Я». Человек- сфера воплощения *V внешнего мира* (сегодня частично сохранено в области национальной и патриотической идентификации).

Все известно заранее, все предрешиено, время нелинейно, все в мысли божественного о мире. Задача суда — обеспечить доступность скрытого знания (V) — это есть сущность «сакральной юстиции». Таинство процедурных вопросов жреческого правосудия не является чем- то неестественным именно потому, что *не все жрецы*: одним — судить, другим- скулить.

Жрецы видят божественное, плебеи не видят, это не знание благодаря власти, это власть — благодаря знанию. Именно это понимает Гней Флавий (оговоримся — понимает неправильно) и похищает знание жрецов, обнародует его, создает тем самым *вне божественный контур* воплощения методологии познания -современную юриспруденцию.

И не стоило бы и обращать внимания на это, так как это всего лишь *субъектное изменение*. Процедура — то не сильно поменялась. Развитая средневековая юстиция совершенном усилила по процедуре роль жребия христиан (Деяния 1: 24, 26), сделав самого человека игровым *атрибутом процедуры познания*: ранее бросали «камешки судьбы», теперь бросали в речку подсудимого (ордалия). Это все — смена игровой атрибутики; на саму форму отправления правосудия это не влияло (способ снятия противоречия мысли, V — устранение сомнения). Все это допустимо, это в самой природе V человека. Проблемы начались, когда правосудие, как часть государственной функции в целом, перестало получать свой мандат от Бога уже в христианской европейской традиции (начало процесса с 1789 г). Светскость государственной власти, казалось бы, должна была способствовать, по мысли Великого просвещения, возрождению античной государственности. Вера в естественно -научное знание, возможность его, практически механического, переноса на область социального (Огюст Конт) подогревала реформаторов.

В итоге произошла катастрофа, как самого Просвещения — режимы национал — социализма, фашизма XX в., так и представлений о государственности как воплощенном разумном всеобщем порядке. Обнаруживалось, что государство работает по простой формуле актуализации самое себя. Государство — это бытие в действительности права, а право — это бытие в возможности государства. Соответственно — какое право (закон) вы поместите в область, подлежащую воплощению — такую действительность вы и получите. Правовую действительность, государственную, которая будет обслуживать все, что вы в нее заложите.

После немецких фашистов, с лагерями смерти стало понятно, что Государство — не Бог на земле (Гегель).

Правосудие, мягко говоря, осиротело в конце. Согласимся, что время с Нюрнбергского трибунала — это карикатура, недобрый шарж на Юстицию. Утрачены согласованные, понятные всем основы **права судить**.

Ранее — божественное, Бог в лице представителей на земле, эволюционировавших от шаманов до верховных правителей — помазанников и подчиненных им судей.

Затем — разумность, добытая из народа Парламентом, согласованный *учет воли и мнений всех* процедурой выборов, законотворчества — действительная разумность предела возможного (всеобщее избирательное право). Попытка воспроизвести античную, греческую процедуру.

Последний оплот — надежда и *опора для основания на право суждения, суда*, был идеологический. Вы догадываетесь какой? Почти религия, почти естественная наука (математика экономической теории), почти замкнутость изолированности христианской общины в масштабах 1/6 части суши, телеология божественная.

У Западного типа организации социальной материи, кроме возможности применения насилия, не осталось оснований для правосудия. Законы повседневностью предмета регулирования превращены в плановые заметки текущих сменяемых, как печатки правителей, не несут в себе разумности организации бытия от начала до конца времен. Жалкое подобие древних законов, в стабильности своего регулирования переживших государства их создавшие, — современные конституции — проституированные истины. Эти дешевые шлюхи, доставшиеся нам в наследство от отцов -основателей Великого просвещения, принимаемые за порядочных святых женщин — первые кандидатки на свалку грядущей истории. По нашему Отечеству это, кстати, особенно заметно.

Шутка ли, на правосудие в современности, вдруг, стали полагаться как на самое стабильное, что осталось от былой государственности. Обслуживающий персонал стал хозяином писанной государственности... Наше Отечество, правда, и здесь не подкачало.

К слову сказать, что такое суд присяжных? Это же жалкая попытка Нового времени переноса в символическую процедуру механизма реального явления воли народа в суде Гелиэи Древней Греции: законодательная инициатива через риск собственной жизнью, при ее отклонении народным собранием (однозначное снятие противоречия). Присяжные как представители народа являют относимость и применимость нормы закона, то есть его текущую адекватность народному настроению в конкретике исполнения государства. Это не более, чем фильтр сброса социального напряжения при современном «мудром регулировании» всего и вся законом. Это не та конструкция, которая способна являть любое иное основание, кроме «Я так вижу».

Nulla causa nisi vis (нет основания, кроме насилия) — сущность современного государства.

Кто — то готов отрицать, что США похитили у немцев не только технологии ядерного оружия, но и сам принцип милитаристской экономики? То, что немцы планировали сделать силой оружия — стать мировым *Ratio status* для других народов, государств — США с успехом воплощают в настоящее время как стратегию своего государственного развития *step by step*. Про роль Мировой финансовой системы вообще промолчим! Один только анализ влияния на падение СССР Бреттон -Вудса, «Никсон шок», Ямайской конференции — достаточное основание для возмездия (уничтожение материального субстрата номинальных денег, рождение «записанных денег»).

Великое Просвещение можно поздравить — порядок Старого европейского мира разрушен, новый — не Возрождение. Тем актуальнее наш предмет исследования: в некотором отступлении выше, мы хотели показать, что то, что принимается многими за *природу вещей* — европейский новодел трех последних столетий. Именно в нашей доктрине уголовного права на базе энтузиазма преобразований большевиков осуществлено подлинное возрождение античного типа связки, познания явлений социума. И любого методолога познания не может не радовать, когда учение о четырех причинах бытия Аристотеля, учение об «Эйдосе» Платона без лишних слов конституировано как метод познания. Практического познания, такого познания, результаты которого воплощаются в действительность, несмотря даже на саму действительность. Это же именно мечта Платона об Идеальном государстве — bravo!

Это замечательно, пусть есть шероховатости, но само по себе это не может не радовать. Неудивительно, что и все реформы демократического плана даже не приблизились к конструкции нашего собственного божественного знания, не потревожили ее — разные предметы регулирования. Понятно почему и в законе не прописали состав преступления. Закон сегодня — вещь сиюминутная, как газета — прочитал и все. Знание же, достоверное, коллективное, разумное, то каким и хотели заменить наивные Великие просветители божественное знание — это, как дорогой фолиант, его не засунешь между анекдотом и сводкой новостей. Согласны.

Но все же, также согласимся, есть к чему в этой конструкции присмотреться, надо научиться проходить, а потом и углублять достижения «Зеркального теста». Опасно просто.

Когда -то «по первому взгляду» любой *tiro iuris* выяснит, что политической репрессией на самом деле не какое-то конкретное лицо управляло, а «Эйдос» парадигмы бытия 4-х причин, названный нами «Составом преступления», что *метод познания определял предмет познания*; *но* тогда ко всем нам это не будет иметь никакого отношения. А это жаль.

Надо бы из положения нашего извлечь выгоду, а не просто так аттракционом наслаждаться, хотя конечно дух захватывает.

Человек не в состоянии собственным мышлением управлять — оно им управляет. Что уж говорить о двух сбалансированных универсальных системах познания, принятых нами на

вооружение под видом естественного, достоверного, очевидного и уже почти обыденного знания? Конечно *они* нас катают и развлекают, как могут, но нам надо хотя бы понимать, что мы играем и во что мы играем, если мы не хотим пребывать в состоянии дементного актера, позабывшего, что это всего лишь роль.

§8

Европейскость бюрократизации отечественной уголовной репрессии новейшего периода, вроде, по *форме исполнения* — копия процедур, которые в той же Европе позволили гарантировать права личности (судебный арест, состязательность, адвокатура и прочее), а у нас, на деле, как минимум, возникает ощущение *существенной разницы*. Cargo cult, если брать аутентичную модель (большой вопрос хороша ли она, об этом отдельно).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.